
— Как кто убил?.. — проговорил он, точно не веря ушам своим. — Да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом.

Ф. М. Достоевский.
«Преступление и наказание»

А теперь плачет она еще неутешнее и горше, ибо разглядела перебитые ноги, неизвестно ведь, утихают ли после смерти те муки, что испытывал человек при жизни, особенно в последние ее минуты, весьма возможно, что со смертью и в самом деле кончается все, но никто не может утверждать наверное, что память о страдании, хоть несколько часов по крайней мере, не живет в том, что мы называем телом, и нельзя исключить, что разложение и распад плоти — это единственный способ от этих страданий избавиться.

Жозе Сарамаго.
«Евангелие от Иисуса»

ГЛАВА 1

В эти дни он занимался розысками неизвестного убийцы, который, по прогнозам профессора Гуртуева, должен появиться на Урале. В группу, сформированную по предложению генерала Шаповалова, вошли три человека: Полковник Резунов, профессор Гуртуев и сам

Дронго. Именно им пришлось отправиться в командировку в Уфу и Челябинск, где в течение двух месяцев произошли два убийства подряд.

Самое поразительное в этих преступлениях даже не то, как тщательно и настойчиво их готовил неизвестный убийца, а сами жертвы, одна из которых была заместителем директора библиотеки, а вторая — женой самого вице-губернатора области. Обычно жертвами подобных сексуальных маньяков оказывались женщины совсем другой социальной группы, случайно попадавшие на пути убийцы. Однако в этих двух случаях было абсолютно очевидно, что убийца не рассчитывал на случайность и действовал целенаправленно и обдуманно, а это опаснее всего, так как невозможно просчитать действия подобного маньяка и вычислить место его очередного преступления.

В Москву группа прилетела вчера поздно ночью, а сегодня утром должна была собраться у генерала Шаповалова, чтобы доложить ему об итогах совместной поездки. Дронго и Резунов уже находились в приемной, ожидая профессора, когда им предложили войти. (Гуртуев по уже устоявшейся привычке опаздывал.)

Шаповалов энергично пожал обоим руки, приглашая их к длинному столу заседаний, а сам уселся напротив.

— Казбек Измайлович опаздывает, — доложил Резунов.

— Как обычно, — кивнул Шаповалов. — Я могу услышать от вас предварительные итоги вашей поездки в Башкирию и Челябинскую область?

Резунов взглянул на Дронго, словно советуясь с ним, как поступить. Для него слова генерала явились приказом. В этот момент секретарь доложила, что профессор Гуртуев прибыл, и буквально через несколько секунд в кабинет ворвался запоздавший гость. Большой лысый череп, мясистое лицо, узкие азиатские глаза, крупные очки, щеточка седых усов — таким был облик одного из лучших психоаналитиков страны. Гуртуев быстро пожал руку генералу, кивнул своим товарищам, усаживаясь рядом с хозяином кабинета и, очевидно, не чувствуя при этом никакой неловкости. Шаповалов покосился на него, но ничего не сказал.

— Итак, — повторил генерал, — я хотел бы услышать ваши версии случившегося. Виктор

Андреевич, — обратился он к Резунову, — давайте начнем.

— Расследование по обоим делам ведут следователи Следственного комитета, — сообщил Резунов, — но наши сотрудники на местах проделали большую работу.

Шаповалов нахмурился. Он знал, что эта работа не всегда велась эффективно.

— В Уфе было найдено тело Татьяны Касимовой, — продолжал Резунов. — Рядом со школой находится заброшенное здание, куда преступник, очевидно, сумел заманить свою жертву; оно как раз на пути следования жертвы из библиотеки домой. Была проведена большая работа, опрошены десятки свидетелей. Благодаря помощи наших коллег-экспертов удалось выяснить, что убийца, видимо, прибыл из другого города и позвонил Касимовой с вокзала. К сожалению, тело нашли спустя некоторое время, и многие следы, естественно, уже потеряны. Но схожий почерк указывает на идентичность обоих преступлений в Уфе и Челябинске. В обоих случаях убийце каким-то образом удалось на время отключить сознание своих жертв. Возможно, он делал это с помощью гипноза или применял какие-то лекарст-

венные средства. Никаких отклонений в крови жертв не обнаружено; скорее всего, это был обычный хлороформ, который быстро выветривается.

— Значит, он, нападавая, не убивал свои жертвы? — мрачно уточнил генерал.

— Нет, не убивал. Ему важно задушить жертву в момент самого насилия. Очевидно, таким образом он получает максимальное удовольствие, — пояснил Резунов. — Во всяком случае, профессор Гуртуев считает, что все так и происходит.

— Мы еще успеем выслушать его мнение, — недовольно заметил генерал, — а пока я слушаю вас.

— Мы были в том здании, где произошло убийство, — продолжил полковник, — и обратили внимание, что насильно затащить туда жертву, находящуюся в сознании, практически невозможно, каким бы сильным ни был убийца. Кроме того, сошлись во мнении, что он был знаком с погибшей и, возможно, назначил ей свидание столь необычным способом — позвонил из телефона-автомата с вокзала, не пользуясь ни ее, ни своим мобильным телефоном. Проверки телефонов библиотеки подтвердили

эту версию. Выходит, что он не просто осторожен, но и заранее просчитывает все варианты своего маршрута. И мы убеждены, что он прибыл в Уфу на поезде.

— Дальше! — потребовал генерал.

— Убийство в Челябинске проходило по той же схеме, — продолжал Резунов. — На этот раз преступление произошло в соседнем доме, ключи от подвала которого оказались в руках убийцы. По нашим предположениям, он бывал несколько раз в городе, чтобы окончательно продумать свой план и выманить жертву, с которой они наверняка были знакомы. Он позвонил ее родителям именно в тот день, когда ее мать не выходит на работу. Она работает врачом, и по четвергам у нее выходной. Дочь, супруга вице-губернатора, в эти дни всегда навещала ее. И он позвонил родителям, зная об этом, очевидно, чтобы и договориться с ней. Она приехала домой на служебной машине мужа, но не поднялась к себе, а прошла к соседнему дому. И... исчезла. В этот раз тоже были опрошены десятки свидетелей, проверены все соседние дома, и в подвале одного из них нашли тело убитой. Он задушил ее именно там и, судя

по найденным микрочастицам, даже постелил свежую простыню.

— Мерзавец еще и чистюля, — пробормотал генерал. — Но как она могла пойти туда? Согласиться на встречу с неизвестным негодяем в подвале соседнего дома? Уму непостижимо! Действительно, каждая женщина — загадка.

— Наша группа считает, что он не приглашал ее в подвал, — осторожно пояснил Резунов. — Возможно, просто попросил пройти к соседнему дому, куда она и пошла, не опасаясь подвоха. А уже там набросился на нее. Судя по внешнему типу обеих жертв, ему нравятся блондинки. Заостренные черты лица, вздернутый носик, небольшая грудь, четко очерченная фигура, возраст — около тридцати, светлые глаза. Посмотрите, как обе жертвы неуловимо похожи друг на друга. — И полковник протянул генералу две фотографии.

Шаповалов взглянул на них и отбросил в сторону.

— Я уже обратил на это внимание, — недовольно признался он. — Понятно, что у каждого мужчины бывают свои пристрастия. Одним нравятся блондинки, другим — брюнетки. Одни любят большую грудь, другие маленькую.

Дело вкуса. Но почему образованные, интеллигентные, имеющие высшее образование женщины, работающие в хороших местах, соглашаются выйти на встречу с этим маньяком, абсолютно непонятно. Тем более что во втором случае речь идет о супруге вице-губернатора. Чего ей не хватало? Острых ощущений? Вы говорили с ее мужем?

— Пытались, — признался полковник, — но он вообще не захотел разговаривать. Господин Дронго считает, что у погибшей был дневник; он узнал об этом из разговора с одной из свидетельниц. Но муж категорически отказался выдать нам его, сказал, что уничтожил дневник...

— Жаль, — перебил Резунова генерал... — С помощью этого дневника многое прояснилось бы.

— Его можно понять, — вмешался Гуртуев. — Не каждый супруг готов поделиться интимным дневником своей супруги с посторонними. Тем более если там есть какие-то записи о ее личных встречах.

— В данном случае речь идет об убийстве, — напомнил Шаповалов. — И если он хочет, чтобы мы быстрее нашли убийцу, то должен помогать нам изо всех сил.

— Областной прокурор не разрешит проводить обыск в его квартире, — заметил Резунов. — А без санкции прокуратуры мы не сможем изъять этот дневник, если он, конечно, его не уничтожил.

— Ему нужно было лучше следить за собственной женой, — в сердцах проговорил генерал, — и тогда бы ничего не случилось. Нормальная женщина не ищет приключений на стороне.

— Боюсь, вы не правы, — возразил молчавший до сих пор Дронго. — Судя по всему, мы имеем дело не с обычным психопатом, охотящимся на женщин. Наверняка у него есть отклонения в сексуальном плане, раз он получает удовольствие столь неестественным образом. Но во всем остальном он, скорее всего, нормальный мужчина. Более того. Мы попытались создать его психотип. Ему около сорока. Хорошо зарабатывает, работает руководителем учреждения или главой фирмы. Очень коммуникабелен, умеет располагать к себе женщин, достаточно независим, должен быть внешне привлекателен. Образован, начитан. Наверняка интересуется криминалистикой, медициной, психологией. Тип женщин, кото-

рые ему нравятся, мы уже определили. У нас есть небольшая зацепка — он был одет в куртку «Поло». Возможно, носит с собой небольшой чемоданчик или сумку.

— На основании этих данных найти нужного человека невозможно, — вздохнул генерал. — Миллионы молодых мужчин хорошо одеваются, умеют трепаться и выпендриваться перед женщинами, носят небольшие чемоданчики... Любой брачный аферист подойдет под ваше описание.

— Наверное, да, — согласился Дронго, — и поэтому нужно обратить особое внимание и на подобную категорию людей. Только брачные аферисты обычно покушаются на имущество своих жертв, а этот получает удовольствие от сексуального контакта, сопряженного с насилием.

— Больше ничего не удалось выяснить? — с явным разочарованием поинтересовался Шаповалов.

— Двое подозреваемых, которых задержали в Челябинске, оказались непричастными к данному преступлению, — пояснил Резунов. — Ключи от подвала похитил сам убийца, а наши

сотрудники подозревали в этом сына консьержки и его друга. Их немного обработали...

— Они сейчас в больнице, — сообщил Дронго, — «обработывали» очень усердно. Так усердно, что оба признались в убийстве, лишь бы избежать дальнейших пыток. Полагаю, вы обязаны об этом знать, уважаемый Сергей Владимирович.

Генерал нахмурился, резко поднялся, махнул рукой, показывая, что Резунов может не вставать, и подошел к своему столу. Забрал папку с документами и вернулся к столу, за которым расположилась вся группа.

— Мы решили проверить все похожие факты, происшедшие за последний год в нашей стране, — сказал он. — Если верить профессору Гуртуеву, этот маньяк не мог просто так появиться из ниоткуда. У нас есть четыре случая, но в Мурманске насильника схватили, и им оказался родственник мужа погибшей. В Курске женщину не насильовали, а только задушили, и, судя по всему, это сделал ее знакомый из-за большого долга. Погибшей было около пятидесяти. Но остаются еще два непонятных случая. Один произошел в прошлом году в Санкт-Петербурге, второй — в Кургане. Они

очень схожи. Оба раза жертвами становились молодые женщины примерно тридцати лет. Только в Северной столице удалось найти тело погибшей, а в Кургане она исчезла бесследно. Наши офицеры получили фотографии погибших. Последние тоже блондинки примерно тридцати лет. — Генерал достал фотографии и показал их членам группы. — Как видите, есть некоторое сходство с нашими погибшими. Самое поразительное, что обе эти женщины тоже имели высшее образование, семьи и также пользовались уважением своих коллег. Погибшая в Санкт-Петербурге Мирра Богуславская — искусствовед, работала старшим научным сотрудником в Павловске. А в Кургане — Лилия Сурсанова, руководитель лаборатории, кандидат наук. Обе были замужем. Хотя в первом случае это гражданский брак.

— Нужно тщательно проверить и эти дела, — решительно заявил Дронго.

Гуртуев что-то чертил в блокноте, лежавшем перед ним на столе, и молчал.

— Поэтому я вас и пригласил, — согласился генерал. — Возможно, что и здесь действовал тот же убийца, которого мы ищем. Насчет Кургана пока ничего не могу сказать, тело не на-

шли. А вот по Санкт-Петербургу имеются определенные доказательства, что это наш кандидат. Хотя проверяют и остальные версии. Но прошло столько времени, а результата пока никакого. — Он заметил, что профессор поднял голову, и заинтересовался: — Вы что-то хотите добавить, Казбек Измайлович?

— Это был он, — уверенно ответил Гуртуев. — Оба случая можно отнести на его счет.

— Почему вы так уверены? Я пока еще ничего особо конкретного не сказал.

— Их имена, — пояснил профессор. — Я уже докладывал вам свою теорию. Есть «твердые» и «хрупкие» имена. В данном случае Мирра и Лилия — достаточно «хрупкие». Нужно посмотреть даты их рождения и имена их отцов.

— Казбек Измайлович, — укоризненно произнес генерал, — в данном случае эти астрологические номера явно не проходят. Не обижайтесь, пожалуйста, но невозможно вычислить заранее жертву по ее имени или по ее дате рождения.

— Я бы не стал так решительно на этом настаивать, — возразил Гуртуев. — Я уже докладывал вам, что иногда происходят абсолютно невозможные вещи. Спрятавшийся убийца

пропускает троих случайных свидетелей и убивает четвертого. Маньяк не обращает внимания на брата-близнеца и нападает на его копию, одетую в ту же одежду. Очевидно, имя что-то значит, если у многих народов оно связано с именами предков, природными качествами самого носителя имени или с его возможной космической защитой. Я уже не говорю о том, что, если ребенок тяжело болеет, ему меняют имя, чтобы отогнать ангела смерти. И это встречается у многих цивилизованных народов.

— Если ваша теория поможет вычислить убийцу, я согласен принять ее в качестве пособия по розыску маньяков и их жертв, — пошутил генерал. — Но как она может помочь, если жертвы уже погибли?

— Существует «синдром жертвы», — убежденно произнес Гуртуев, — как и «синдром убийцы». Можно попытаться вычислить, кому из женщин в данной местности грозит большая опасность, с учетом психофизических характеристик убийцы. Мы уже знаем, кого именно он может выбрать и за кем будет охотиться. Это не шарлатанство и не астрология, а чистая психология.

— Никто не говорит про шарлатанство, — примирительно заметил Шаповалов. — Ваши заслуги, как выдающегося психоаналитика и криминалиста, всем хорошо известны. Поэтому вас и попросили нам помочь, чтобы найти этого необычного убийцу.

— Полагаю, для начала нам нужно выехать в Санкт-Петербург и в Курган, — предложил Гуртуев, — и уже на месте все еще раз осмотреть.

— Убийство в Санкт-Петербурге произошло больше года назад, — пояснил генерал, — а в Кургане — примерно шесть месяцев назад. Вернее, там не убийство, просто женщина пропала. Исчезла.

— Нам нужно все проверить на месте, — упрямо повторил Казбек Измайлович.

— Обязательно, — согласился генерал. — Но я не сказал вам самое главное — в Санкт-Петербурге женщину изнасиловали и задушили. Экспертиза определила группу крови насильника...

— Третья отрицательная, — быстро проговорил Дронго, — правильно?

— Да. Но тогда поиски убийцы ничего не дали.

— Это был он, — прошептал Гуртуев. — Он входит во вкус, и, боюсь, следующее убийство произойдет гораздо быстрее, чем мы можем предположить.

— Выезжайте сегодня ночью на поезде, — предложил генерал. — Мы не можем спокойно сидеть и ждать, пока он найдет себе очередную жертву. Мы обязаны что-то предпринять.

— Кажется, очередную жертву он уже нашел, — мрачно ответил Казбек Измайлович, — и в нашем случае речь может идти только о том, чтобы он не успел ее убить.

ГЛАВА 2

Он посмотрел на себя в зеркало. Кажется, все в порядке. Обычно он бреется электробритвой, стараясь не пользоваться безопасными лезвиями, которыми чаще всего режет лицо. После бритья он смазывает лицо лосьоном с резким запахом хорошей французской парфюмерии; может, поэтому аромат держится так долго, вызывая улыбки у коллег. Все знают, что директор института Вениамин Борисович всегда благоухает, и запах его парфюма

еще долго остается в коридоре после того, как он проходит, направляясь в свой кабинет.

Он всегда бреется в ванной комнате. Затем — традиционный кофе, булочка с сыром или творогом. Творог даже лучше; он покупает его в соседнем супермаркете, и у этого сорта нулевая жирность. Последний раз, когда он проверялся у врачей, ему сообщили, что у него в крови повышенное содержание сахара, и хотя это был еще не диабет второй стадии, тем не менее он решил не доводить себя до инсулиновой зависимости и исправно перешел на диету, принимая выписанный врачом «Диабетон». Ему исполнилось сорок лет. И хотя по не понятной никому традиции сорокалетие не отмечается, он собрал весь институт, в котором работал вот уже полтора десятка лет, отпраздновал свой юбилей в лучшем ресторане города и услышал много хороших пожеланий, в том числе и категорический наказ не оставаться холостяком.

Для торжества повод был более чем уважительный. И дело совсем не в его юбилее, а в том, что он наконец стал директором института. Последние несколько лет все только и ждали этого события.

Предыдущему директору было уже за семьдесят, и все понимали, что он просто обязан уступить свое место молодому и перспективному заместителю, который должен со дня на день защитить докторскую диссертацию и встать во главе института, где работало почти две сотни сотрудников.

Старый директор не уходил до последнего, пока очередной, уже третий, инфаркт не отправил его на пенсию. Врачи категорически запретили ему заниматься работой, и старик был вынужден уйти, уступая место своему заместителю. Вот так Вениамин Борисович и стал руководителем самого большого архитектурного института, занимавшегося вопросами градостроительства.

Докторскую диссертацию пришлось на время отложить, чтобы заняться непосредственно текущими делами и начать давно запланированный ремонт здания института. Вениамин Борисович в свои сорок лет был завидным женихом, с большой квартирой в центре города и внедорожником «Ниссан», на котором ездил по выходным дням. В обычные дни за ним заезжала черная директорская «Волга», остав-

шаяся по наследству от предыдущего директора.

Он вышел из дома точно в восемь сорок пять, сел на заднее сиденье, просмотрел свежие газеты. Ровно в девять он был уже в институте. Кивнув секретарю, пожилой женщине, работавшей здесь уже больше сорока лет, прошел в свой кабинет.

На столе лежала папка с бумагами, которую Вениамин должен был просмотреть еще вчера. Но вчера он был занят совсем другими бумагами и внимательно изучал карту города Омска, куда собирался поехать в ближайшее воскресенье. Он уже успел побывать там дважды, прежде чем отправиться туда в третий раз. Планирование предстоящей поездки было одним из самых приятных моментов в его жизни. Нужно не просто изучить название улиц и площадей города, но и тщательно, до мелочей, разработать каждую деталь поездки, в которой он наметил очередную жертву.

Сотрудники института никогда в жизни не поверили бы, что их подтянутый и вежливый директор является одним из самых опасных сексуальных маньяков, когда-либо появлявшихся в стране.

Он хорошо помнил, как смотрели на него женщины, с которыми он пытался сойтись. Даже те, кто продавал свою любовь за деньги. Смесь жалости и презрения в их глазах воспринималась хуже любых упреков. У него просто ничего не получалось с нормальными женщинами, и постепенно это превращалось в норму. Пожалуй, только Катя могла спасти его. Милая Катя, с которой он познакомился, вернувшись из армии, и начал встречаться, а потом перевез ее к себе домой. Тогда еще была жива мама. Катя была доброй, всепонимающей, терпеливой, заботливой. И рядом с ней у него начало все постепенно налаживаться, он чувствовал себя почти полноценным мужчиной. Катя помогала обрести уверенность, никогда не торопила и не укоряла его. Возможно, она была идеальной партнершей для такого ущербного человека, как он. Ему казалось, что все может получиться, даже подумывал о ребенке. А мать уже открыто говорила, что им нужно зарегистрировать свои отношения и заводить детей. Именно тогда он и пришел на работу в институт, именно тогда и чувствовал себя лучше всего.

Но все закончилось непредсказуемо печаль-

но и горько. Он стал подозревать Катю в изменах. Она слишком часто оставалась дома и не приезжала на дачу, где они жили летом с мамой. Однажды он неожиданно вернулся, и ему долго не открывали дверь, пока он не поднялся к соседу и не выяснил, что Вадима тоже нет дома. Когда он спускался, Вадим выходил из его квартиры. Тогда ему и Кате удалось убедить Вениамина, что это — простое совпадение. Он сделал вид, что поверил. Но на Новый год они отправились вместе в ресторан, где Вадим заказал столик. В разгар праздника, еще до того, как куранты пробили двенадцать, все гости сидели за столом, а Вадим и Катя куда-то исчезли. Через несколько минут чувство тревоги заставило Вениамина пойти поискать эту парочку. Он обнаружил их в позах, которые не оставляли никаких сомнений. Самое печальное было в том, как она себя вела в этот момент. Всегда тихая, спокойная, выдержанная Катя превратилась в какую-то неуправляемую самку и стонала так громко, словно хотела, чтобы ее крики слышали все посетители ресторана. С ним она была тихой и деликатной, внимательной и осторожной. А здесь — дикое животное...

Он никогда в жизни не забудет двигающие-

ся ягодицы Вадима и ее счастливое покрасневшее лицо. Она даже не сняла нового платья, которое он ей купил по случаю Нового года. Вадим пытался оправдываться, бормоча, что это у них в первый раз. Конечно, Вениамин не поверил. И ушел, не дождавшись полуночи.

Потом Катя долго пыталась найти повод, чтобы с ним объясниться, и однажды приехала к нему домой за своими вещами. Мать тактично ушла, оставив их вдвоем. До конца жизни она так и не поняла, что именно произошло между ним и Катей, а он не собирался рассказывать никаких подробностей. Когда они остались вдвоем, между ними произошел спор, даже не спор, а ожесточенная перепалка, и Катя выплеснула ему в лицо все, что думала о его мужской потенции и физических достоинствах. Оказывается, она столько времени притворялась, потому что ее устраивала обеспеченная жизнь в их большой квартире. Она нигде не работала и жила на его содержании, планируя и дальше продолжать таким же образом. Притворяться было несложно, он хотел в это верить, и она давала ему такую возможность. Можно сказать, что Вениамин удовлетворял ее материальные потребности, а сосед Вадим —

физические. Это было невыносимо больно и унижительно. Катя впервые позволила себе сорваться, понимая в глубине души, что он никогда не простит ей такого омерзительного поведения. И тогда Вениамин не сдержался. Он набросился на нее, разрывая платье в клочья, и грубо овладел своей бывшей пассией.

В эти мгновения он чувствовал себя сильным, как никогда. И самое главное — у него все получилось, словно гнев прибавлял ему силы. А может, даже не гнев, а ее внезапный испуг, ведь он никогда не вел себя подобным образом, сам испугавшись этого чувства гнева и силы. А ей, похоже, даже понравился подобный сексуальный опыт, и уже после всего происшедшего она снова попыталась с ним помириться. Конечно, он выгнал ее из дома, но ощущение полной удовлетворенности осталось с ним навсегда. Продажные женщины, к которым он пытался обращаться, ничего не могли с этим сделать. С ними он был вялым и расслабленным. Так продолжалось до тех пор, пока он не встретил Риту, тоже работавшую в их институте.

Они начали встречаться. Вениамин уже был перспективным руководителем отдела, и Рита не скрывала, что он ей не просто нравит-

ся. Одинокая женщина с ребенком имела определенные виды на будущее. Но с ней у него опять ничего не получалось. В первый раз она его успокоила, во второй — пожалела. Потом ей надоели его срывы, и она начала под любым предлогом избегать встреч с ним. А через некоторое время и совсем ушла, понимая, что он никогда не сможет себя изменить. Вениамин даже всерьез подумывал обратиться к врачу, чтобы попытаться снова обрести уверенность, но хорошо помнил, что несколько предыдущих обращений ни к чему не привели.

Однажды вечером они с Ритой случайно задержались в институте, и он вошел к ней в отдел. Слово за слово, они поспорили, и она ударила его по лицу. Этот удар был как пусковой механизм. Вениамин набросился на нее, снова почувствовал это возбуждение, этот призыв плоти. Рита сопротивлялась изо всех сил. Он боялся, что она закричит и их услышит дежурный вахтер, может, поэтому не сумел довести дело до конца. А может, потому, что она так ожесточенно сопротивлялась.

После этого случая он понял, что именно такого состояния возбуждения, страха, гнева, насилия, ощущения своей власти и силы не-

достаёт ему для успешного завершения интимного процесса.

Через некоторое время Вениамин оказался в командировке в столице Киргизии — Бишкеке. Их тогда поселили в какой-то гостинице на краю города, где он случайно встретил женщину, похожую на Катю. В тот вечер он много выпил и, увидев незнакомку, решил с ней познакомиться. Попытался догнать ее на безлюдной улице, но она испуганно побежала от него. В этих местах почти не было ночного освещения, и он ее догнал, повалил прямо на мостовую и попытался изнасиловать, снова чувствуя привычное возбуждение и силу. Но она неожиданно сказала: «Пожалуйста, не надо!» И он сразу же опомнился. В нем тогда еще оставалось нечто человеческое, не до конца убитое его желаниями, бессилием и накапливающейся страстью. Он даже извинился, поднялся и ушел, словно всего-навсего случайно задел женщину плечом.

Но разбуженное чувство страсти бушевало в нем уже с невероятной силой, а вся предыдущая жизнь словно вела его к этому моменту.

В школе он за компанию с друзьями переспал с проституткой и получил тяжелую вене-

рическую болезнь, которую лечил много лет. Затем в армии был сексуальный контакт с избитым «дедами» солдатом, вид крови которого сильно его возбудил. А уже после Бишкека он точно знал, что именно ему нужно. Хотелось испытать чувство своей полной власти, когда жертва дергается в предсмертных судорогах, а он при этом получает, наконец, полное и безусловное удовлетворение.

Все произошло через некоторое время в Харькове, куда он отправился в очередную командировку. Возможно, если бы не долгая проверка на границе, он бы так и не решился на первое преступление. Но Украина теперь была за границей. Соответственно, сотрудники милиции этой страны искали бы потенциального насильника и убийцу у себя, даже не подозревая, что это может быть приехавший командированный.

Он познакомился в парке с Лидой, которая ему очень понравилась. Им было хорошо вместе, но командировка закончилась, и он уехал домой. Но теперь он знал, что она станет его первой жертвой. Он долго готовился, несколько месяцев обдумывал все детали своего плана, получая удовольствие от одной мысли о наси-

лии. Более того, самоудовлетворяясь, он представлял себе в подробностях все, что будет делать с молодой женщиной.

Вениамин снова отправился в Харьков, где уже успел побывать дважды и все подготовить. Он предусмотрительно позвонил Лиде из Киева, назначив встречу. Женщина доверчиво пришла к старому складу, ключи от которого он заранее приготовил. По вечерам здесь никого не бывало, это он успел проверить. Дальше все было так, как Вениамин и запланировал. Он усыпил ее хлороформом, перенес на склад и раздел, наслаждаясь видом незащищенной жертвы. Потом разбудил ее, иначе в его действиях не было бы смысла. Ему нужна была не неподвижная кукла, а бьющаяся от страха и волнения живая женщина.

Он даже стонал от удовольствия, когда она пыталась кричать и вырываться, и душил ее, получая самое большое удовлетворение в своей жизни. Насилие, совмещенное с сексуальным возбуждением в процессе самого полового акта, доставляло ему неслыханное удовольствие. В глубине души, где еще оставалось место совести и разуму, он понимал, что поступает плохо, гадко, отвратительно. Что совер-

шает дикое преступление, за которое ему не будет прощения ни на этом свете, ни на том. Но в тот свет он не очень верил, а на этом надеялся прожить еще достаточно долго и не попасть в руки сотрудников милиции.

Тело несчастной Лидии спрятал, и его потом так и не нашли, а исчезнувшую молодую женщину занесли в разряд людей, внезапно и без видимых причин пропадающих в городских лабиринтах. Вот так Вениамин совершил свое первое преступление.

Но, вкусив крови, хищный зверь уже не мог остановиться, ему требовалась новая жертва. Теперь Вениамин чувствовал себя гораздо лучше. Более уверенным, более сильным, более востребованным.

Остроумный, начитанный, общительный и галантный молодой руководитель нравился почти всем сотрудницам института. Правда, по институту ходили какие-то слухи о якобы происшедшем инциденте между Вениамином Борисовичем и уволившейся много лет назад лаборанткой. Но, возможно, это были только слухи, так как почти каждая из сотрудниц института, замужняя или разведенная, девица или женщина в годах, тайно симпатизировала

Вениамину Борисовичу и уж наверняка не стала бы отказывать ему в подобных «мелочах». Но, к огромному огорчению женской половины института, составляющей больше трех четвертей всего коллектива, он вел себя на работе безупречно, не давая никаких поводов возможным сплетням или пересудам. Более того, в своих секретарях он оставил Пелагею Савельевну, которой несколько лет назад исполнилось шестьдесят, и не собирался менять ее на более молодую и симпатичную. Может, поэтому его так любили и уважали все женщины института. Наверняка у такого мужчины была подруга, с которой он встречался и которую не хотел афишировать перед сослуживцами.

Через некоторое время все предположения подтвердились. Две сотрудницы института увидели своего директора, ужинавшего в ресторане в компании взрослой женщины. На вид ей было больше сорока, но фигура подтянутая и лицо вполне миловидное. Сотрудницы уверяли, что она даже была в чем-то похожа на самого Вениамина Борисовича.

Никто ведь не знал, что это старшая сестра Вениамина — Полина, которая приехала из Сирии, где проживала со своим супругом Мар-

леном Погосьяном, чтобы посетить могилу матери и повидаться с братом. И хотя на следующий день она улетела, теперь весь институт знал, что у их директора есть женщина, которую он любит, но по неизвестным причинам не хочет показывать. Подобная таинственность придавала Вениамину Борисовичу еще больше шарма. А он после отъезда Полины уже вовсе планировал новое убийство, понимая, что не только не может, но и не хочет останавливаться. Но на этот раз он выбрал в качестве площадки для своих ритуальных действий соседнюю южную республику.

ГЛАВА 3

На Московский вокзал они прибыли утром на «Красной стреле». Их уже ждали. Два автомобиля сразу отправились в Следственный комитет, чтобы провести там первое импровизированное совещание. В своем кабинете их принял Таир Сабитов, следователь по особо важным делам, который вел расследование убийства Мирры Богуславской. Здесь же присутствовал подполковник Кокоулин, возглавлявший оперативную группу от УВД города. Са-

битов был невысокого роста, темноволосый, чисто выбритый, с перебитым носом — очевидно, в молодости занимался боксом. Михаил Ильич Кокоулин, напротив, — высокий, широкоплечий мужчина, с зычным голосом и крупными чертами лица. Он был родом из Якутска и приехал в Санкт-Петербург еще двадцать восемь лет назад поступать на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После окончания получил направление в милицию и проработал там почти четверть века, пройдя путь от сотрудника уголовного розыска до руководителя отдела.

Трое гостей уселись напротив Сабитова и Кокоулина, словно собираясь сыграть неизвестную партию, разыгрываемую обеими командами — «гостей» и «местных».

— Нам только вчера вечером сообщили, что вы приезжаете, — начал Сабитов, — но мы подготовили все материалы по делу о нападении на Богуславскую. Здесь у меня три папки с подробными материалами.

— Следствие уже закрыто? — спросил Резунов.

— Приостановлено, — пояснил Сабитов. — Мы работали достаточно интенсивно четыре

месяца. Опросили всех возможных свидетелей на месте происшествия, всех знакомых погибшей, провели целый ряд экспертиз, но все безрезультатно. Постепенно пришли к выводу, что это залетный гость, не из местных. Во всяком случае, не из Павловска, где произошло убийство; там мы проверили буквально каждого.

— Мы сможем проехать на место происшествия? — поинтересовался Дронго.

— Машины нас ждут, — ответил Сабитов. — Но ведь прошел почти год... Не знаю, что еще там можно найти.

— У вас есть карта Павловска?

Сабитов взглянул на Кокоулина. Тот подвинул к себе одну из папок, достал карту и развернул ее перед гостями.

— Вот здесь мы нашли погибшую, — место было помечено крестиком, — между Пиль-башней и мавзолеем, — пояснил подполковник. — Здесь туристы обычно не ходят. Они обычно осматривают так называемые «Двенадцать дорожек», потом идут параллельно молочне мимо вольера к Павловскому дворцу. Дорога немного сворачивает направо, в сторону Павильона трех граций и колоннады Аполлона, так

что попасть туда можно, обходя дворцовый комплекс.

— И где эта дорога заканчивается? — уточнил Гуртуев.

— У железнодорожного вокзала, — пояснил Кокоулин и заметил, как выразительно переглянулись гости.

— Тот же почерк, — тихо проговорил Резунов.

— Что вы сказали? — не понял Сабитов.

— У нас есть похожие преступления, — объяснил полковник.

— Я был уверен, что он себя еще проявит, — сказал следователь. — Слишком хорошо все было продумано. Это не спонтанное нападение, убийца готовился к преступлению.

— Почему вы так уверены? — с любопытством спросил Дронго.

— Павловский дворец обычно работает по субботам и воскресеньям, но закрыт в пятницу, когда почти не бывает туристов, — начал Сабитов. — А преступление было совершено именно в пятницу. Дальше. Именно в эту пятницу проводился семинар для сотрудников Павловского музея, и погибшая была в Павловске. Одна из ее коллег вспомнила, что она должна была

встретиться с каким-то гостем, который обещал привезти новые книги по творчеству Камерона. И именно в пятницу.

— Интересно, — задумчиво произнес Дронго, — получается, что наш убийца был исключительно образованным человеком, если знал, что Павловский ансамбль в течение двадцати лет возводил Чарльз Камерон.

На этот раз переглянулись Сабитов и Кокоулин.

— Простите, — не выдержал Сабитов, — откуда вы знаете о Камероне? Обычно посетителям рассказывают о Росси и Кваренги. Не очень многие знают, что главным архитектором Павловска был именно Камерон.

— Вы считаете, что опытный криминалист не должен знать ничего, кроме своей работы? — улыбнувшись, вмешался в разговор Гуртуев.

— Конечно, нет. Но про Камерона не знают даже многие местные жители, — ответил Сабитов.

— А ваш убийца знал, — напомнил Дронго. — Значит, человек не просто начитанный, а еще неплохо разбирающийся в архитектуре — если это, конечно, он. Что касается Камерона... Дело в том, что в детстве родители часто при-

возили меня в Павловск. Мы дружили с семьей одного известного ленинградского адвоката, супруга которого была искусствоведом. Вот ее лекции я и запомнил на всю жизнь. А потом много читал. Между прочим, кроме Росси и Кваренги, там еще успели поработать архитекторы Воронихин и Тома де Томон.

— Хотите ошеломить нас своим интеллектом? — пошутил Сабитов.

— Нет, просто подумал, что мы обязаны обратить внимание на его знание Камерона. Что-нибудь еще?

— Больше никаких зацепок. Семинар закончился примерно в три часа дня. В пять она должна была вернуться домой. Ее друг начал беспокоиться, звонил ей на мобильный, но он был отключен. В семь вечера он поехал в Павловск, но там уже никого не было: утром в кустах нашли тело. Врачи определили, что она погибла между тремя и пятью вечера.

— Фотографии есть? — спросил Гуртуев.

Сабитов подвинул к себе другую папку и достал пачку фотографий.

— На ней почти ничего не было, — пояснил он, — а одежду обнаружили в кустах. Она была не порвана, а аккуратно сложена, как будто

женщина добровольно согласилась на подобный контакт с насильником. Ее гражданский муж утверждает, что это невозможно. Она была очень брезгливой и никогда бы не позволила себе заниматься сексом в кустах, на голой земле.

— Мужья обычно не знают своих жен, — меланхолично заметил Резунов. — Некоторые способны и не на такие «подвиги».

— Он ее задушил во время полового акта, — продолжал Сабитов. — На руках были видны следы от веревок, поэтому она, очевидно, не могла сопротивляться. Но самих веревок на месте преступления не было.

— В Челябинске и Уфе веревок тоже не было, — вспомнил Гуртуев.

— Посмотрите на погибшую, — мрачно произнес Дронго. — Наши жертвы были гораздо миниатюрнее, чем эта. Он, видимо, опасался, что она может вырваться или позвать на помощь.

— Мы тоже так считаем, — кивнул Сабитов. — Скорее всего, он назначил ей свидание, придумав историю с книгой Камерона, а затем воспользовался ситуацией и убил несчастную.

— Но как он сумел так ловко и быстро раздеть ее? — поинтересовался Дронго. — В ваших

местах даже ранней осенью бывает уже достаточно холодно.

— Да, непонятно. Получается, она его знала, если пошла на такой контакт.

— Он готовит преступление, затем приводит свою жертву в бессознательное состояние, раздевает, насилует и убивает ее, — сообщил Дронго. — И это уже не первый случай. Просто тогда вы, очевидно, искали в своем регионе, а надо было объявлять всесоюзный розыск!

Он посмотрел на карту и спросил:

— Сколько минут нужно, чтобы добраться от железнодорожной станции до места, где было совершено преступление?

— Если по основной дорожке мимо комплекса — минут двадцать, а если напрямик через Круглый зал — минут двенадцать, — ответил Кокоулин.

Дронго еще раз посмотрел на карту.

— Сколько ехать в Павловск из центра Санкт-Петербурга?

— Больше получаса, если от Витебского вокзала. Но до Павловска можно доехать и на электричке от станции метро «Купчино».

— Витебский вокзал — это, кажется, метро «Пушкинская»? — вспомнил Дронго.

— Да, правильно.

— Если пассажир прибывает на Московский вокзал, он может довольно быстро добраться на метро до Витебского или даже взять такси.

— Если на такси, то совсем быстро, — ответил Сабитов. — С Невского проспекта поворачиваете на Владимирский и дальше по Загородному проспекту до вокзала. Буквально минут десять.

— Думаете, что он приехал на Московский вокзал и отправился в Павловск этим маршрутом? — уточнил Кокоулин.

— Нет, наоборот. Я как раз уверен, что он приехал в Санкт-Петербург загодя, может, даже за день до преступления. Или за два. А вот обратно ему нужно было уехать как можно быстрее. На электричке он доезжает до Витебского вокзала, а оттуда — быстро на Московский. У вас есть расписание электричек?

— Хотите узнать, были ли поезда в центр города около пяти вечера? — понял Кокоулин. — Да, были. Мы проверяли. Четыре поезда после пяти, и все шли в центр.

— Ее мобильный проверяли? Посторонних звонков там не было?

— Проверяли. Были. Два телефонных звонка с автомата, установленного недалеко от Московского вокзала. Как раз утром в день убийства, — ответил Сабитов.

Дронго тяжело вздохнул.

— Сколько ей было лет?

— Тридцать шесть. Коллеги очень ее хвалят, говорят, была увлечена своей работой и считалась очень компетентным специалистом.

— Какие были отношения с гражданским мужем?

— Говорят, что превосходные. Мы опрашивали соседей, родственников, коллег. Все в один голос утверждали, что отношения были замечательные. Он даже попал в больницу с сердечным приступом после ее смерти. Ему уже под пятьдесят, довольно большая разница в возрасте. Мы думали, что она могла иметь более молодого любовника, но все, знавшие ее хорошо, категорически отвергали эту версию.

— Он применил «крючок» в виде книги Камерона, — задумчиво произнес Гуртуев.

— Верно, — согласился Дронго. — Нужно узнать, есть ли вообще такая книга?

— Есть, — вмешался Сабитов. — Мы тоже кое-что сделали. Такая книга существует, но

это большой раритет. В Санкт-Петербурге — всего лишь несколько экземпляров. Мы проверили каждый; ни один не мог попасть в руки убийцы, это исключено. Подобная книга, выпущенная в конце девятнадцатого века, сегодня стоит больше сорока тысяч рублей. Примерно полторы тысячи долларов.

— Он знает, что именно следует предлагать женщинам, чтобы они согласились на встречу с ним, — кивнул Дронго. — Если бы Попов согласился выдать нам дневник своей убитой супруги... Интересно, чем все же убийца мог соблазнить жену вице-губернатора?

— Остается только гадать, — недовольно заметил Гуртуев.

— Кто нашел тело? — спросил Дронго.

— Охранник. Он как раз утром обходил территорию. Обнаружил тело случайно, просто увидел мелькнувшую среди кустов одежду.

— Одежда лежала рядом с ней?

— Да.

— Отпечатки пальцев?

— Кроме ее отпечатков, других не было.

— В тот вечер шел дождь?

— Нет. Была ясная сухая погода, прохладная только.

— Тогда почему нет отпечатков? Неужели он работал в перчатках? Сексуальный маньяк не стал бы надевать перчатки.

— Он раздевал ее в перчатках, — подсказал Гуртуев. — Я начинаю все больше и больше опасаться этого типа. Он просто аккуратист, пытается предусмотреть каждую мелочь, каждый штрих в своем варварском плане.

— Вы сами говорили, что подобный тип рано или поздно должен будет появиться, — напомнил Дронго. — Когда мы можем выехать в Павловск?

— Прямо сейчас, — предложил Сабитов. — Машины нас ждут.

В первый автомобиль сели сам Сабитов и двое приехавших экспертов — Гуртуев и Дронго, во втором разместились оба офицера — Резунов и Кокоулин. До Павловска было двадцать семь километров.

— Не знаю, что у вас получится, — признался по дороге Сабитов, — но это дело нас всех очень достало. Всегда обидно, когда не можешь найти преступника, а тут обидно вдвойне. Уже тогда мы понимали, что речь идет не о случайном нападении на искусствоведа, не о бомже, который затащил ее в кусты и изнаси-

ловал. Нет, этот мерзавец тщательно подготовился. Он каким-то образом воздействовал на нее, чтобы она не кричала, сумел осторожно, я бы даже сказал бережно, раздеть. И не убил сразу, мерзавец. Ждал, пока она очнется, чтобы получить удовольствие в процессе насилия и самого убийства. Я бы таких негодяев собственноручно душил, — процедил он сквозь зубы.

— У нее остались дети? — спросил Гуртуев.

— Нет. К счастью, нет. Или к несчастью, не знаю даже, как вам отвечать.

— Это новый тип убийцы, — пояснил Дронго, — убийца-интеллектуал. Теория Ламброзо уже не работает. Раньше убийцами были чаще всего заросшие щетиной типы с квадратными головами, срезанными лбами и оттопыренными ушами. Наш же убийца образован, начитан, умеет нравиться женщинам. Достаточно богат и независим, чтобы совершать вояжи по разным городам. И планирует он свои преступления заранее, знакомясь с жертвами, каждый раз находит нужную «фишку», чтобы обратить на себя внимание и заставить прийти на встречу еще раз. Я даже думаю, что подробное планирование нового преступления доставляет

ему не меньшее удовольствие, чем сам процесс насилия и убийства.

— Правильно, — согласился Гуртуев, — у него должны быть наклонности садиста.

— Мы искали его несколько месяцев, — продолжал Сабитов, — но так и не сдвинулись с мертвой точки. Установили только его группу крови. Достаточно редкая — минус три. Но в то же время только в Санкт-Петербурге тысячи людей с такой группой крови. Мы проверили по нашей картотеке всех подозреваемых с этой группой, даже по соседним областям. Одного арестовали, но потом пришлось отпустить, у него было абсолютное алиби — лежал в эти дни в больнице с аппендицитом. Милиция задействовала всю свою агентуру, но ничего не смогли найти. Дело взял под особый контроль прокурор области, но все безрезультатно. И вот наконец мне сообщили о вашем приезде. Знаете, как я обрадовался, поняв, что появляется шанс найти этого мерзавца, если составлена группа из таких известных экспертов, как вы!

Машины подъезжали к Павловску. Не сбавляя скорости, они проехали к дворцовому комплексу. Перед зданием дворца возвышался па-

мятник Павлу I. Гуртуев вышел из машины, взглянул на него, покачал головой.

— Вы знаете, что особенно интересно в этом памятнике? — спросил Казбек Измайлович. — Обратите внимание на его стойку — как он держит в руках трость, как немного наклонилось его туловище. Сейчас ходит много разных споров — каким на самом деле был убиенный Павел: реформатором или самодуром, несчастным непонятым царем, обреченным на убийство фаворитами своей матери, или самодержцем, пытавшимся противостоять бывшим убийцам своего отца? Не знаю, каким действительно он был, но этот памятник довольно точно передает его психическое состояние. Конечно, он был человеком неуравновешенным и мнительным. Немудрено, ведь когда отстранили от власти, а затем убили его отца, он был совсем маленьким. Почти все время он слышал истории о фаворитах своей матери и о том, что должен терпеливо ждать ее смерти, чтобы получить наконец трон. Ну, и сами похороны Петра III, когда он решил перезахоронить прах отца, а убийцы шли впереди гроба. Наверное, все это сказалось на его психотипе. А убийство, совершившееся не без ведома его старшего сы-